

Книга первая

I. Большой зал

Ровно триста сорок восемь лет шесть месяцев и девятнадцать дней тому назад парижан разбудил громкий трезвон всех колоколов трех кварталов: Старого и Нового города и Университета. А между тем этот день, 6 января 1482 года, не принадлежал к числу тех, о которых сохранилась память в истории. Ничего примечательного не было в событии, так взволновавшем жителей Парижа и заставившем с утра звонить все колокола. На город не шли приступом пикардийцы или бургундцы, студенты не бунтовали, не предвиделось ни въезда «нашего грозного властелина, господина короля», ни занимательного повешения воров и воровок. Не ожидалось также прибытия какого-нибудь разряженного и разубранного посольства, что случалось так часто в пятнадцатом веке. Всего два дня тому назад одно из таких посольств, состоящее из фламандских послов, явившихся с целью устроить брак между дофином и Маргаритой Фландрской, прибыло в Париж, к великой досаде кардинала Бурбонского, который, угождая королю, должен был волей-неволей оказывать любезный прием этим неотесанным фламандским бургомистрам и угощать их в своем Бурбонском дворце представлением «весьма прекрасной моралите, шуточной пьесы и фарса», в то время как проливной дождь хлестал по его великолепным коврам, разостланным у входа во дворец.

Но 6 января причиной волнения всех жителей Парижа, как говорит Жан де Труайе, было установившееся с незапамятных времен двойное празднество — праздник Богоявления и праздник шутов. В этот день бывала иллюминация на Гревской площади, посадка майского дерева в Бракской часовне и мистерия во Дворце правосудия.

Об этом провозгласили накануне на всех перекрестках, при звуках труб, городские глашатаи в красивых одеждах из фиолетового камлота, с большими белыми крестами на груди.

Толпы горожан и горожанок, заперев дома и лавки, направились с самого утра по трем разным направлениям. Одни шли на Гревскую площадь, другие — в часовню, третьи — смотреть мистерию. И нужно отдать справедливость здравому смыслу тогдашних парижских зевак: большинство из них предпочло иллюминацию, как раз подходящую ко времени года, и мистерию, которая должна была разыгрываться в большом зале Дворца, хорошо защищенном от непогоды. Бедному майскому дереву, едва покрытому листьями, любопытные предоставили одиноко зябнуть под январским небом на кладбище Бракской часовни.

Особенно много народу стекалось по улицам, ведущим ко Дворцу правосудия, так как было известно, что прибывшие два дня тому назад фламандские послы будут присутствовать на представлении и при избрании папы шутов, которое тоже должно было состояться в большом зале. Нелегко было пробраться в этот зал, считавшийся тогда самым большим на свете. (Действительно, тогда еще Соваль не измерял большого зала в замке Монтаржи.)

Залитая народом площадь перед Дворцом правосудия представлялась тем, кто смотрел на нее из окон, волнующимся морем, куда пять или шесть улиц изливали каждую минуту, подобно рекам, новые волны голов. И эти волны, все увеличиваясь, разбивались об углы домов, выступавших, словно мысы, то тут то там, в неправильном вместилище площади.

В центре высокого готического¹ фасада Дворца правосудия с большой лестницы непрерывно поднимались и спускались толпы народу, разделяясь на верхней площадке и разливаясь широкими волнами по двум большим спускам, словно водопады. От

¹ Значение, которое обыкновенно придается слову «готический», хоть и неточно, но принято всеми. Мы, как и все, употребляем его здесь, чтобы охарактеризовать стиль архитектуры второй половины Средних веков, в котором стрельчатый свод служит таким же отличительным признаком, как в предшествовавшем ему периоде полукруглый свод. (Примеч. В. Гюго.)

криков, смеха, топота тысяч ног над площадью стояли страшный шум и гул. По временам этот шум усиливался, течение, несшее всю эту толпу к лестнице, внезапно поворачивало назад, и начинался какой-то водоворот. Это происходило тогда, когда полицейский страж ударял кого-нибудь ружейным прикладом или конный сержант врзался в толпу, чтобы водворить порядок; эта милая традиция, завещанная старшинами города коннетаблям, от коннетаблей перешла по наследству к объездной команде, а уж затем к теперешней жандармерии Парижа.

У дверей, у окон, на крышах, на чердаках — всюду виднелись тысячи добродушных, честных лиц горожан, глазевших на Дворец, на толпу и не желавших ничего больше. Многие парижане довольствуются тем, что лишь смотрят на других зрителей; даже стена, за которой происходит что-нибудь, уже представляет для них интерес.

Если бы мы, живущие в 1830 году, могли хоть мысленно смешаться с парижанами пятнадцатого века и войти вместе с ними, толкаясь, работая локтями и вертясь в гуще толпы, в огромный зал суда, казавшийся 6 января 1482 года столь тесным, мы увидели бы интересное и чарующее зрелище, нас окружали бы вещи столь старинные, что они показались бы нам совсем новыми.

Если читатель согласен, мы попробуем воспроизвести хоть мысленно то впечатление, которое мы с ним испытали бы, переступив за порог большого зала вместе с этой разношерстной толпой.

Прежде всего мы были бы оглушены страшным шумом и ослеплены роскошью и блеском. Вверху, над нашими головами, — двойной стрельчатый бледно-голубой свод, украшенный деревянной резьбой и усеянный золотыми лилиями; внизу, под ногами, — пол из черных и белых мраморных плит. В нескольких шагах от нас — громадная колонна, потом другая, третья. Всего вдоль зала семь колонн, поддерживающих двойной свод.

Вокруг первых четырех колонн — лавочки торговцев, сверкающие стеклом и разными побрякушками; вокруг трех остальных — дубовые скамьи, немало послужившие на своем веку, гладко отполированные одеждой тяжущихся и мантиями прокуроров.

Кругом зала, вдоль высоких стен, между колоннами и в простенках между дверями и окнами, — бесконечный ряд статуй французских королей, начиная с Фарамонда, королей-лентяев с повисшими руками и опущенными глазами и королей мужественных, воинственных, смело поднявших к небу головы и руки. В высоких стрельчатых окнах вставлены тысячи разноцветных стекол. Великолепные двери украшены тонкой резьбой. И все это — свод, колонны, стены, наличники, потолок, двери, статуи — чудесного голубого цвета с золотом, уже несколько потускневшего в то время и вовсе исчезнувшего под пылью и паутиной к 1549 году, когда де Брель восхищался им уже только по преданию.

Теперь представьте себе этот громадный продолговатый зал, освещенный бледным светом январского дня, с нахлынувшей в него пестрой шумной толпой, и вы в общем получите о нем некоторое понятие, а интересные частности мы постараемся описать более точно.

Разумеется, если бы Равальяк не убил Генриха IV, в канцелярии дворца не хранились бы документы по его делу, не было бы сообщников, заинтересованных в исчезновении этих документов, а следовательно, не было бы и поджигателей, вынужденных, за неимением лучшего средства, сжечь канцелярию, чтобы сжечь документы, и сжечь самый Дворец правосудия, чтобы сжечь канцелярию. Не было бы пожара 1618 года, старинный дворец сохранился бы до сих пор, и я мог бы сказать читателю: «Сходите посмотреть на большой зал». И мне не пришлось бы описывать его, а читателю — читать это посредственное описание. Все это служит доказательством новой истины, что великие события имеют неисчислимы последствия.

Возможно, конечно, что у Равальяка не было сообщников, а если он и имел их, то они все-таки могли быть неповинны в пожаре 1618 года. Существуют еще два весьма вероятных предположения. Во-первых, все знают, что 7 марта, после полуночи, большая пылающая звезда шириною в фут, длиною в локоть упала с неба на Дворец правосудия. Во-вторых, существует следующее четверостишие Теофиля:

Certes, ce fut un triste jeu,
Quand a Paris dame Justice,
Pour avoir mangé trop dépice,
Se mit tout le palais en feu¹.

Но как бы мы ни смотрели на эти три толкования — политическое, физическое и поэтическое, — событие, к сожалению, неопровержимое, пожар Дворца правосудия в 1618 году, остается налицо. По милости этого пожара, а в особенности по милости позднейшей реставрации, погубившей то, что пощадил пожар, в настоящее время почти ничего не осталось от этого первого дворца французских королей. Он был древнее Лувра и уже в царствование Филиппа Красивого считался таким старинным, что в нем находили много общего с великолепными постройками, воздвигнутыми королем Робертом и описанными Гельгальдусом. И почти все исчезло. Что случилось с канцелярией, где Людовик Святой «скрепил свой брак»? С садом, где он, «одетый в камлотовое платье, камзол без рукавов из грубого сукна и черный плащ, решал дела, лежа на ковре вместе с Жуанвилем»? Где комнаты императора Сигизмунда, Карла IV, Иоанна Безземельного? Где лестница, с которой Карл IV провозгласил свой милостивый эдикт? Плита, на которой Марсель, в присутствии дофина, зарезал Роберта Клермонского и маршала Шампанского? Калитка, где были разорваны буллы антипапы Бенедикта и откуда вышли его посланные, наряженные в шутовские мантии и митры и принужденные публично каяться на всех перекрестках Парижа? Где большой зал с его голубой окраской, позолотой, статуями, колоннами, с его стрельчатым сводом, покрытым резьбой? А позолоченная комната? А каменный лев около дверей с опущенной головой и поджатым хвостом, как у львов Соломонова трона, — символ силы, смиренно склоняющейся перед правосудием? А велико-

¹ Да, печальное было зрелище,
Когда парижская юстиция,
Объевшись пряников,
Подошла свой дворец (*фр.*)

Четверостишие содержит игру слов: «epice» означает и «пряники», и «взятки».